

состоявшихся архитекторов, много и талантливо проектировавших. Но и те, и другие в значительной степени ориентированы на усвоение готового «объективного» знания, на восприятие утверждений, высказанных авторитетами, или на общепринятое мнение. Личная позиция и язык их рефлексии не обладают, как правило, философской подготовкой. А способ формирования и развертывания внутри их «творческого существа» профессионально-теоретического содержания часто выливается в запоминание некоторого количества броских тезисов из очередной модной книжки, внезапно ставшей популярной. Но вовсе не через

самостоятельное размышление.

На фоне утраты «теоретической архитектурной мыслью ее человеческого смысла» подобная ситуация является особенно важной для целеполагания автора, который стремится «уйти от доминировавшей во второй половине XX века научно-технической схематики» к «новой парадигматике теории архитектуры и новой системе профессионального образования».

Александр Гербертович уверен в том, что мировая цивилизация находится на пороге тектонического сдвига в архитектуре. Им движет острое предчувствие глобального переворота в теории архитектуры, намного более глубокого и

мощного, чем авангард двадцатых годов прошлого века. Переворота, который не только вернет теоретическую мысль России в обойму мирового теоретического авангарда, но и выдвинет ее далеко вперед: «...западная теоретическая мысль оказалась в тупике, и российская мысль может без особых усилий выйти в лидеры».

Пожалуй, нет вопросов в теории архитектуры, которыми не занимался бы А. Г. Раппапорт: от «безжизненности современной архитектуры» до опасности оперирования «словами-кошельками», которые накапливают смыслы, «загнивающие» без практического употребления; от «иронии и остроумия как

способа выйти из тупика беспредметности теории архитектуры» до начал архитектурной пропедевтики. Калейдоскопическая многоаспектность проблематики подобна широкой сети, закинутой опытной рукою ловца, надеющегося извлечь из глубин мироздания желанную и редкую добычу.

Труды Александра Гербертовича Раппапорта (архитектора, философа, архитектурного критика, искусствоведа, кандидата архитектуры, доктора искусствоведения, члена Союза архитекторов, члена Международного конгресса архитектурных критиков CICA) уже затем читать нужно, что они ум в порядок приводят!

Марк Меерович / Mark Meerovich

Во всем виноваты император Петр II и Сергей Эйзенштейн/ Peter II and Sergei Eisenstein are to blame

Александру Гербертовичу Раппапорту 23 октября 2016 года исполнилось 75 лет. Его вклад в формирование новой парадигмы архитектуры огромен. В блоге «Башня и лабиринт» за семь лет им опубликовано более двух тысяч статей по теории архитектуры и искусства. Новый формат теоретической работы – блог – предполагает активное участие всех не равнодушных к судьбе архитектуры теоретиков и практиков.

Ключевые слова: Александр Раппапорт, блог, новый формат теоретической работы, формирование новой парадигмы архитектуры. /

The 23rd of October 2016 is Alexander Gerbertovich Rappaport's 75th anniversary. He has made a great contribution to formation of a new paradigm of architecture. Within seven years he has published more than two thousand articles on theory of architecture and art in his blog "The Tower and the Labyrinth". The blog as a new format of theoretical work involves theorists and practicing architects who care about the future of architecture.

Keywords: Alexander Rappaport; blog; new format of theoretical work; formation of a new paradigm of architecture.

*На рассохшейся скамейке – Старший Плиний.
Иосиф Бродский. Письмо к римскому другу*

Во всем виноват император Петр II. Его недолгое пребывание на российском престоле не увенчалось славными делами, поэтому о нем ничего не знал поступающий во ВГИК юный Саша Раппапорт. Лукавый экзаменатор поставил ему низкую отметку по истории, и абитуриент, не набрав нужного количества баллов, не попал в мастерскую к Михаилу Ромму. Сын известного кинорежиссера Герберта Раппапорта и театральной художницы Лидии Шильдкнехт, которого Сергей Эйзенштейн в младенчестве называл «мраморным мальчиком» за то, что он не тревожил кинорежиссера громким плачем, хотел учиться только у Ромма, ни о каком отделении телевидения, куда он мог пройти по результатам экзаменов, он и думать не желал. Никаких компромиссов Саша не признавал и никаких полумер не терпел даже в нежном шестнадцатилетнем

возрасте. В результате через год он поступил в Ленинградский инженерно-строительный институт и стал архитектором. Почему ЛИСИ? Да потому, что именно это учебное заведение, некогда называвшееся Петроградским институтом гражданских инженеров, окончил Сергей Эйзенштейн. Так что, благодаря Петру II и Сергею Эйзенштейну, архитектуре повезло: она обрела теоретика, чей вклад в теорию архитектуры весом.

Раппапорт часто вспоминает работы теоретика архитектуры и искусствоведа Александра Георгиевича Габричевского, чьи труды он высоко ценит, но его собственный вклад в теорию архитектуры и искусствознание не менее значимы.

Сейчас, когда будущее архитектуры туманно, и теоретики в основном занимаются историческими эскерсисами, Александр Раппапорт последовательно строит фундамент новой парадигмы теории архитектуры и предлагает всем желающим заняться вместе с ним этим простым делом. Бесконечно повто-

рять как мантру витрувианскую триаду: польза, прочность, красота – и определять архитектуру как организацию пространства – удел прошлых столетий. Предложенная Раппапортом триада: масштаб, субстанция, норма – выводит осмысление архитектуры на совершенно другой уровень. Последовательное развитие этой мысли может стать одним из фундаментных блоков теории архитектуры XXI века. А вот стены еще предстоит строить совместными усилиями.

Раппапорту 75 лет. В блоге «Башня и лабиринт» тысячи статей. Новые появляются каждый день, и каждая – еще один камень в фундамент будущей теории архитектуры.

Блог «Башня и лабиринт» – уникальное явление. Ни один искусствовед, ни один историк архитектуры, ни один теоретик не работает так интенсивно и в таком необычном формате, где пульсация свежей мысли ощущается явственно и зримо. В прошлом году блог посетил миллионный (!) читатель. Раппапорта читают на всех кон-

тинентах. Александр Гербертович высказывает спорные и неоднозначные идеи, он открыт для общения. Вести с ним диалог непросто, для этого нужно обладать определенной подготовкой и не бояться подставляться для своего же блага. Иногда в своем блоге Раппапорт публикует статьи коллег. С одной стороны, это, конечно, честь – быть опубликованным в блоге Раппапорта. С другой стороны, комментарии Александра Гербертовича всегда доброжелательны, но не всегда комплиментарны. «Пусть мне дороги друзья и истина, однако долг повелевает отдать предпочтение истине» – так писал Аристотель в труде «Никомахова этика». Я знаю, многие не решаются присылать Раппапорту свои статьи и задавать вопросы. Зря. Была бы польза для общего дела.

В незапамятном 1984 году я пришла в ЦНИИТИА познакомиться с Раппапортом после его лекции, которая поразила меня парадоксальностью и свежестью мыслей. Был теплый осенний день.

Александр Гербертович стоял на крыльце старинного особняка на Калининском проспекте, где тогда размещался Институт теории, и курил трубку. Превозмогая смущение, я подошла и спросила: «Можно вам задать один вопрос?» «Можно даже два», – ответил Раппапорт, попыхивая трубкой. После беседы я поняла, что нужно отправиться в библиотеку и восполнять пробелы в своих знаниях...

Сейчас, когда Александр Гербертович читает лекции или выступает на конференциях, ему задают не так уж много вопросов. Это понятно. Чтобы задать вопрос, нужно уже наполовину знать ответ или хотя бы осознавать, чего ты не понял и что хотел бы понять. Архитекторы-практики ни слушать, ни читать Раппапорта не любят: тяжело и как бы не относится то, что он пишет, напрямую к их повседневным заботам и интересам. Не все, конечно... Но не стоит забывать, что боги архитектурного Олимпа XX века – Ле Корбюзье, Мис ван дер Роэ, Райт – строили свою философию архитектуры на основе работ таких теоретиков, как Вельфлин, Ригль, Зедльмайер, Гидион и др., которые сами ничего не строили, кроме теорий.

Теоретики сегодня толкуют в основном о частностях – кто о чем.. На семинарах и конференциях они не слышат друг друга и почти не задают вопросов, токуют, как глухари... Кто Делеза интерпретирует, кто о пустоте рассуждает, кто о простоте... Раппапорт занимается не частностями, а фундаментальными вопросами теории архитектуры.

Увы, той атмосферы, которая царила на семинарах Георгия Петровича Щедровицкого (ГП) в Московском методологическом кружке (ММК), нет сегодня нигде. ММК был воистину школой мысли. Раппапорт, чтобы учиться в этой школе и находиться рядом с Щедровицким, Генисаретским, Сазоновым, Розиным, в 1969 году переехал в Москву. Школа Щедровицкого была жесткой. Десять лет Александр Раппапорт посещал семинары ГП, но когда понял, что его интересуют другие проблемы и методология не может помочь в их осмыслении, он ушел. Уйти от ГП мог только очень сильный человек. Обаяние Щедровицкого было огромно. Но ученик должен покидать школу, иначе он никогда не станет самостоятельным.

Интеллектуальный подъем 60–70-х годов в СССР был краткой оттепелью, оазисом... Назовите это

уникальное явление как хотите. Но это был подъем. Сегодня можно по-разному относиться к героям Даниила Гранина и Юрия Германа, к физикам и лирикам, но им было чем жить. Оазис занесло песком, солнечная оттепель сменилась затяжными холодными дождями... Кто сегодня работает без выходных и без зарплаты, работает за идею? Возможный ответ – фанатики. Да, фанатики, но ни в одном деле без фанатичного служения результатов не достичь. Общество потребления предполагает доминирование материальных стимулов, но...

Cogito, ergo sum. Это утверждение Декарт выдвинул как первичную достоверность, истину, в которой невозможно усомниться. Не мыслить для Александра Гербертовича Раппапорта, действительно, значит не существовать. А если мыслить, значит, писать теоретические статьи на совершенно разные темы, не считаясь с общепринятыми установками. Кто запретил находить параллели между Сталиным и Пикассо? Почему архитектор, а Раппапорт архитектор и прежде всего архитектор, не может себе позволить рассуждать о небе в русском пейзаже, о феномене фотографии, о межпредметном пространстве, о проектировании без прототипов, о памяти, о времени, о месте места, о ландшафте, о мегаполисе. Раппапорт может, поскольку его мысль свободна от штампов. Свободен и он сам в своих поступках. Возможно, однажды он сказал себе словами Бродского все из того же стихотворения «Письмо к римскому другу», строка из которого послужила эпиграфом к этому тексту: «Если выпало в империи родиться – лучше жить в глухой провинции у моря» – и уехал на хутор в 200 километрах от Риги, где живет и сейчас. Лучше так жить было Старшему Плинию и лучше так жить Александру Гербертовичу Раппапорту. Это его осознанный выбор. Он любит свои деревья, свой луг, на который иногда ночью приходят дикие кабаны, любит балтийские дюны и море. Конечно, жизнь в одиночестве имеет и свои минусы, и свои опасности. Но Александру Гербертовичу в его 75 лет есть чем заняться. Вот недавно он начал интенсивно заниматься живописью. Старые друзья-практики стали его воспринимать совершенно иначе после того, как он опубликовал свои картины в «Фейсбуке» и в своем блоге.

И точно так же, как статьи Раппапорта, его живопись интел-

лектуальна и индивидуальна. Он любит Пикассо, но не подражает ему. Он позволяет себе тонами неба красить стену дома, как будто бы небо опустилось на землю. Впрочем, каждый может рассказать себе свою историю, глядя на его картины. Живопись для Александра Гербертовича – тоже мышление. В блоге вы можете прочитать совсем недавно написанные статьи «Смыслы живописи» и «Мышление мазком». Это теоретическое осмысление его живописных опытов. Ну а если вы дадите себе труд прочитать «Сто писем о живописи» – толстую книгу, которую Раппапорт написал много лет назад, вы будете к живописи относиться иначе, чем относились. И к архитектуре вы будете относиться иначе, если прочтаете книгу «Форма в архитектуре»... Понимать форму в архитектуре как судьбу... Согласитесь, неожиданно и ярко.

Александр Раппапорт отлично играет на пианино. Его джазовым импровизациям позавидует и профессиональный музыкант. А еще он пишет стихи. Вот одно из них:

*Я в автобусе еду опять
Бесконечной дорогой туда,
Где не ждет меня милая мать,
Где отец не бывал никогда.
И где бабушки блеклый портрет
На стене над кроватью висит,
Улыбаясь на солнечный свет
Или дождь, что опять моросит.
И язык мой на выдохе, вслух,
Извлекает, губу теребя,
Лишь последнее слово из двух
Слов. Негромкое слово – «тебя»...
2008*

Мне вспомнилось еще одно стихотворение Александра Гербертовича, которое было написано 84-м или 85-м году. Оно висело на веревке над его рабочим столом, прикрепленное бельевой прищепкой, рядом с другими стихами в его съемной московской квартире, в которой был один единственный уютный уголок – там, где стояла старинная фисгармония. Еще в этой квартире жили старые хозяйские железные кровати и велосипед, на котором он приезжал к нам, аспирантам МАРХИ, поговорить об архитектуре.

*Живя на свете много зим и лет,
Я думаю о жизни и о смерти тоже...*

Это из его стихотворения, того самого, что висело на прищепке. Я его запомнила...

С днем рождения, Александр Гербертович! Здоровья Вам!

Елена Багина / Elena Bagina